Перевод на русский: Vzhiikkk

Star Rank Hunter (Охотник Звёздного Ранга), глава 167.2: Неуместный осуждённый

Может его пинками разбудил Визи, но как только они вошли в палату, малыш сразу же открыл глаза и жалобно посмотрел на Цылиня. Он уже собирался помахать хвостом, когда вспомнил, что его хвост был в лапах кота.

- А?! Ты смотри, у него зелёные глаза! - воскликнул Лун, когда подошёл ближе и взглянул. - У церберов исследовательской базы были красные глаза. Помню, сообщалось, что их специально выводили с исключительно красным цветом глаз.

- Генетическая вариация, полагаю. Наверно у родителей были рецессивные гены, которые выразились в нём.

Цылинь быстро осмотрел малыша и убедился, что раны заживают очень быстро. Времени прошло совсем немного, но раны уже стали свежими шрамами, а кость достаточно неплохо восстановилась.

- Ты неплохо восстанавливаешься, но тебе всё равно нужно больше отдыха, - сказал Цылинь, погладив малыша и оттащив кота за шею, чтобы спасти хвост цербера от его когтей. Он передвинул малыша в центр операционного стола. - Отдыхай. Когда проснёшься, мы приготовим много еды.

Цылинь настроил медицинский отсек на режим сна, после чего взял кота и ушёл вместе с Луном.

- Ну, что думаешь? - спросил Цылинь Луна.

- Он не такой, как остальные церберы. Действительно может сработать, - ответил Лун, потирая подбородок.

- Хочу полежать немного. Позови меня, если что-то случится.

- Ладно.

Когда Цылинь вернулся в жилой отсек, он дёрнул кота за ухо и сказал, - Достаточно, можешь прекращать притворяться спящим. У тебя даже усы поднялись.

Визи проснулся, ещё когда Цылинь с Луном только вошли в медицинский отсек. Он просто не хотел двигаться. Но теперь ему пришлось открыть глаза и жалобно посмотреть: - Я плохо спал.

- Видел. Обычно ты в такой позе не спишь. Кошмар приснился? - Цылинь поглаживал подбородок кота.

Визи немного подвинул голову, подставив подбородок и нахмурился. - Не хочу... Не хочу, чтобы меня поймали эти исследователи. - Информация, которую он собрал в системе базы, была словно слишком реалистичным фильмом ужасов.

- Поэтому я и сказал, что мы должны стать сильнее.

- Вы, ребята, всё равно никогда не станете сильнее меня! - Всего три предложения

потребовалось, чтобы высокомерие кота снова выскочило.

- Не обязательно. Элита ещё даже не показывалась.

- Насколько они сильны?

- Не знаю...

-

Даже воздух в тюрьме третьего класса Сектора S был холодным, мрачным и лишённым всякого человеческого тепла.

Эта планета была одной из множества тюрем сектора. В ней не было ничего особенного. Планеты-тюрьмы третьего класса были самой серединой. Их заключённые уже не были мелкой рыбёшкой, но в сравнении с заключёнными четвёртого и пятого класса они были не больше, чем фоном. По крайней мере, так всё выглядело в глазах тюремщиков.

В отличие от тюрем других секторов, будь это тюрьма первого класса или пятого в Секторе S, заключённым и шага за её пределы нельзя было сделать, пока не пройдёт их срок.

Это было как полное изолирование, несколько десятилетий эти люди сидели в одном месте.

Некоторые говорили, что тюрьмы третьего класса были самыми паршивыми. В тюрьмах первого и второго класса были публичные потасовки. Тюремщики не слишком беспокоились из-за заключённых первого и второго класса, поскольку эти тюрьмы считались тюрьмами низшего класса в Секторе S.

Заклучённые тюрем четвёртого и пятого класса были либо относительно авторитетны, либо знамениты во всём ГАЛ. Их важность была несравнима с заключёнными первых трёх классов. Кроме того, заключённых четвёртого и пятого класса вместе взятых было меньше, чем заключённых третьего, поэтому места у них было больше, были даже развлекательные устройства. В прочем, этими «развлекательными устройствами» называли просто старые и дряхлые проигрыватели и прожекторы, многие из которых не могли показывать чёткую картинку.

В сравнении с другими четырьмя классами тюрем, заключённые третьего класса не имели ни потасовок, ни развлекательных устройств. В лучшем случае им доставались газеты и журналы десятилетней давности. Ими же они подтирались, когда ходили в туалет.

Поэтому у некоторых заключённых здесь начинали появляться психические проблемы. Нетерпимые к странному поведению, тюремщики наказывали их. Смерть ждала тех, кто не способен выдержать физическую и психическую пытку, позже они становились или просто мусором, или едой для других заключённых.

-Ка!-

Дверь лифта открылась. Два тюремщика вошли в тюрьму. Все комнаты были односторонними, и между каждой была очень толстая изолирующая стена, чтобы заключённые не могли общаться.

Выйдя из лифта, два тюремщика с хлыстами подошли ко входу. Их документы проверили и вход был открыт. Один из тюремщиков нажал кнопку, стены с одной стороны камер стали

прозрачными. Так они могли отчётливо видеть заключённых.

Каждый раз перед ними представляли люди на грани отчаяния, которые из безумия и ненависти оголяли свои зубы и показывали им. Тюремщиков это лишь радовало, развлечения были приятным бонусом в работе.

Тюремщик ударил хлыстом прозрачную стену. В ту же секунду, как хлыст коснулся стены, система преобразовала энергию удара в воздушную волну высокой плотности. Удар воздушной волной был в разы, а иногда и десятки раз сильнее, чем удар хлыстом.

Заключённый, прижавшийся зубами к стене, был отброшен в противоположную стену и на его теле уже в полёте появились кровавые раны. Руки и ноги кровоточили под кандалами, раны не зажившие раньше, теперь выглядели ещё хуже.

Он взревел на все лёгкие. Никто не знал, было ли это из-за боли, или из-за отчаяния.

Другие заключённые тоже слышали его крик, но они желали его услышать, потому что это была единственная возможность услышать человеческий голос, даже если голосом был леденящий кровь крик.

Тюремщики ушли, стены вновь стали обычными, больше никто не слышал и не видел происходящего за ними. С ними осталось лишь их собственное бормотание и сердцебиение.

Двое тюремщиков уставились на заключённого, который уже не был похож на человека, он катался по земле и визжал, как только мог. Они засмеялись, как если бы увидели что-то смешное.

Когда тюремщикам было скучно, они по разу ударяли хлыстом каждую камеру. Казалось, что только крики заключённых давали им почувствовать себя главными в этом месте. Даже, если заключённые были очень послушными, никогда не нарушали правил, тюремщики свирепо избивали всех.

Однако, была одна камера, которую они никогда не били хлыстом. Возможно они сами не знали почему. Просто чувствовали, что не стоит, но даже если и ударили по ней хлыстом, то не делали этого снова, только раз. Они никогда не ударяли его во второй раз, потому что он никогда не реагировал на первый. И как только они уходили, то уже не вспоминали о таком особенном заключённом.

Точно как и раньше, тюремщики, в зависимости от настроения, ударяли хлыстом камеры. Но когда они подошли к его камере, то словно бы не заметили её и прошли дальше. Они даже не повернулись на него.

Заключённый в камере не выглядел злобным или страшным. Даже наоборот, он словно излучал тщательную и развитую ауру академика. В любой момент времени он имел элегантность джентльмена и выглядел крайне вежливым. Даже то, как он перелистывал страницы газеты, было неуместно этой тюрьме. Рядом с ним было чувство, будто этот человек должен выступать в театре или преподавать в институте высшего образования, а не сидеть молча в этой грязной, мрачной и грешной тюрьме.

Необычный заключённый, прямо сейчас, сидел на единственном в камере стуле и читал газету. В его другой руке была кружка, в ней была горькая вода, но благодаря тому, как он держал её и как из неё пил, казалось, будто в ней налит чай высочайшего качества.

Заключённый не прекращал читать газету, несмотря на изменения стены, смех тюремщиков и леденящие кровь крики. Он даже не поднял глаза.

Однако, как только тюремщики прошли мимо его камеры, он наконец-то поднял взгляд и посмотрел за прозрачную стену.

Наверно, другие видели лишь двух тюремщиков, но он видел ещё один силуэт рядом с ними.

Заключённый доброжелательно улыбнулся и кивнул, как если бы обменивался приветствием. Затем он опустил взгляд обратно к газете.

Незамеченный остальными человек замер на мгновение, увидев этого заключённого. Он тут же отсалютовал, после чего, наконец, покинул тюремную комнату.

В другой тюремной комнате, недалеко от первой, большой мужчина с несобранной бородой храпел лёжа на кровати. Тюремщикам его храп показался слишком громким, и они дважды ударили его хлыстом, пока он не проснулся.

Дважды крикнув из-за ударов хлыста, большой мужчина оцепенело поднялся и почесал растрёпанные волосы, прежде чем лечь обратно. Но в этот раз он не захрапел.

Как только тюремщики ушли в сопровождении проклятий, мужчина подскочил с кровати и посмотрел за прозрачную стену. Он радостно сказал, – Ноль! Не думал, что ты придёшь лично!

На руке этого большого мужчины была татуировка – чёрная бабочка. Узоры на её крыльях выглядели очень необычно. Слово дьявольское лицо, некоторые называли её за это «Бабочкой Дьявола».

Эта татуировка была одна из трёх основных татуировок Синей Бабочки.

Когда тюремщики повернулись, большой мужчина уже снова лежал на кровати. Они не стали обращать на него внимание и дальше, им предстояло отхлыстать ещё столько людей.

Спустя полчаса, недалеко от этой тюрьмы, появился юноша с перекрещёнными руками.

Опущенная голова юноши резко поднялась: – Довольно быстро.

Силуэт медленно появился перед юношей.

– Я передал ему предмет. Операция начинается вовремя.

– Ещё что-нибудь видел, Ноль? – спросил юноша. Лицо Ноля выглядело довольно серьёзно.

– Я встретил кого-то, кого там быть не должно было.

– Кого?

– Охотничий Клинок Цзяда.